

Шаг, второй, третий, четвёртый... Быстрее, чтобы успеть. Чем ближе к цели, тем труднее. Музыка в наушниках уже не слышу. Ноги в тяжёлых ботинках вязнут в снегу. Тропинка становится еле видимой, превращаясь в ледяную дорогу. А ещё – машины: слежу, чтобы не задавили. Первый рабочий день в новом году... Твою мать! Только вышла из отпуска, и – «здравствуйте, пройдемте, прогуляемся». К такому меня жизнь не готовила.

Нет, это невозможно! Ещё одна такая прогулка и – увольняюсь! Или не приду на работу. Так я сказала потом начальнику. Кто бы мог подумать, что на работу придётся добираться пешком по промзоне. Чего ты хотела, если устроилась на завод? Сама выбирала, училась, устраивалась... Приходится вот так по тропинкам шнырять.

А ведь так хорошо начиналось. Мы сидели в большом красивом здании на конечной остановке трамвая. Высокое, серое, с часами. «Пирамидой» называлось. Внезапно возникло передо мной, когда я, проехав свою остановку, вышла на «Заводуправлении». Испугало меня. Я тогда как раз торопилась в больницу на медосмотр, а тут – оно. Здравствуйте. Как-то я в Питере точно так же испугалась Исаакиевского собора, когда бродила по улочкам Васильевского острова. А что, он тоже неожиданно передо мной возник! Предупреждать надо.

Светлые комнаты, потолки три метра, по коридорам летает эхо, и никакой проходной. Красота. Можно было по району гулять, чем пользовались мои коллеги, ускальзывая на обед на два, порой даже на три часа. В цех, разумеется, ходили. Но нечасто – далеко же: подгадывали оказию и вперёд.

Первый раз экскурсию по улице Монтажников для меня провёл мой коллега Стас. Ему нужно было на совещание, и он предложил пройтись. Лёгкая осенняя прогулка в тридцать минут. Пожар листьев перемешался с последождевой грязью. Романтика. По пути Стас вечно прятался за моей спиной от со-

бак. Это уже потом он рассказывал, что собаки боялись меня, а сам... Трус. Хорошо, что нужно было идти по прямой, никуда не сворачивая. А то я бы давно уже заплутала. Так я познакомилась со своим кошмаром – путём на работу.

Потом высокое начальство решило, что соскучилось по технологам, и мы переехали в просторные многокомнатные апартаменты на территорию предприятия, за колючую проволоку. Коллеги завидовали нашему отделу, приходили в гости. И действительно: несколько комнат с собственным санузлом, да ещё и с отдельным входом. Мечта.

Ритуал пути на работу складывался постепенно. Свежее утро, семьдесят первый автобус – пересадка на «Першино» – девятнадцатый трамвай – проходная. Идеально. Рассчитано по минутам. Иногда маршрутка того же номера приходила раньше. Но в автобусе удобнее дремать на заднем сиденье, прислонившись к холодному стеклу.

Когда он перестал ходить, я решила проехать на трамвае до своей остановки без пересадок. Дело в том, что девятнадцатый ехал через мой район, но по проспекту Победы. А идти на остановку с Братьев Кашириных по темноте, по льду с утра – штука опасная. И я-таки рискнула. Вышла из дому пораньше и нырнула в утро. Во дворе спят фонари, двигаюсь медленно, скольжу. Фигуристка, блин.

Улица Молодогвардейцев идёт в гору. Уклон небольшой, но чувствительный. Шагаю широко, топлюсь на трамвай. Вдруг тишину пронизывает женский крик: «Помогите, пожалуйста, помогите!» Я застыла, а сердце сильно застучало. Хотелось броситься на помощь. Я развернулась, огляделась и никого не увидела. Что это? Кто-то кричал из окна? Но ведь я не заметила ни одной открытой форточки... Тревога за ту женщину не отпускала меня весь день. А может быть, мне показалось? Надо ли говорить, что я вернулась к первоначальному плану пути с пересадкой?

А трамвай дребезжал, как консервная банка на рельсах. Горячая сидушка, холодный воздух, и я между ними трясусь. Любимая городская электричка. Экскурсия на промзону из первых рядов.

Но маршрутки в сторону работы ходили всё реже. В один из дней пересадок стало две. Нужный транспорт не пришёл, и... Мой путь постепенно превращался в ад. В те дни на остановке я познакомилась с коллегой Татьяной Юрьевой, и мы уже сообща решали – на чём поедем.

Как бесит каждый день продумывать разные маршруты, не имея возможности распланировать день. Да, я часто просила коллег вывезти меня на машине с промзоны. Минутки экономятся, но постоянно просить неудобно, неловко и напряжно.

Мы пытались бороться. Я звонила диспетчерам автобусов ругаться. Писали письма: я – в администрацию, Татьяна Юрьевна – в профком. Стандартные нечитаемые отписки. Даже как-то прислали бумажное письмо! Мол, планируется закупить столько-то автобусов, трамваев и троллейбусов. Да-да, конечно!

Я всегда любила трамваи. Наверное, потому, что они напоминали мне электрички. А ещё ехали всегда вперёд. За все четыре года постоянных поездок я черпала вдохновение и силы именно в них. Стук колёс, виды за окном, пассажиры... Зимой практически все одеты в толстые чёрные куртки. Мне думалось, что так и начинается депрессия: в чёрном море угрюмых утренних людей.

Когда я переехала, то путевой ритуал сменился тоже. На моё счастье, пересадка осталась только одна, на «Першино». Тройка и девятнадцатый – друзья вечные, закадычные.

Раннее утро. Все нормальные люди спят, а я топаю на остановку. Один и тот же маршрут несколько лет подряд. Выучила почти всех своих попутчиков. С кем-то начала общаться. А от кого-то хотелось сбежать, а после встречи отмыться и больше никогда не возвращаться. Липкий страх проникал всюду, но не приходило на остановку нельзя – электронная проходная следит.

А зимой каждая поездка в трамвае превращалась в поиски подогретого сиденья. Ведь ехать далеко и долго, и совсем не хочется превратиться в сосульку. Кондукторши всегда косились. Представьте, заходит в вагон девушка и начинает трогать нижнюю часть сидений, перебегая от одного к другому. Билет не берёт. Только когда усядется, тогда тянет руки с проездным, поймать, что ли, кого надумала? Странно, не правда ли?

Я постоянно считала минутки и мучала диспетчеров вопросами о расписании.

Пару лет назад я спросила коллег: а что будет, если трамваи перестанут ходить по нашей ветке? Ведь у нас так много предприятий в соседях. Как в воду глядела: закрыли мост, по которому мы добирались на работу... Ванга хренова!

Перед Новым годом мост на аэропорт закрыли на ремонт. Подарочек, так сказать.

Господи, я знала об этом в первый рабочий день года! Мне позвонили, сказали. И всё равно пошла. Зачем ездить, если есть ноги? Конечно, никто не придумал, как нам добираться, а я ни с кем не договорилась, чтобы довезли. Получите, распишитесь, Александра Андреевна! Прогулочка никогда не повредит.

Коллеги, мои милые добрые коллеги подвозили нас, несчастных безлошадных. Эвакуировали из зоны бедствия, пока начальство не напряглось и не организовало нам развоз.

Но работу кучи заводов на улице Монтажников никто не отменял, вот власти и сподобились придумать для нас шаттлы. Чёткое расписание, ждать опоздавших не будут. И на том спасибо. Что вообще пустили. Начальство расслабилось.

Нет, космические корабли не летают по Челябинску, как бы мне ни хотелось. Просто шаттлом называют два трамвая, сцепленных задними частями, тяни-толкаи по-нашему. Я ещё шутила, что, пока космические туристы платят миллионы долларов за то, чтобы попасть на шаттлы, мы ездим на них бесплатно. Однажды я услышала, как водитель такого трамвая называет нас халаящиками. Не мы закрывали мост, не мы это придумали.

В один из дней в путевой ритуал вмешались суровые уральские морозы – рельсы просто замёрзли, и вместо «тройки» я скакала по маршруткам. И я прибежала вовремя, оставалось две минуты до отправления шаттла, а он помахал мне своим железным хвостом! «Сука! Видел меня, уехал!» Вот и пришлось бежать снова.

С закрытием моста работа стала всё больше напоминать тюрьму: колючая проволока по периметру, пропускной режим, транспорт по часам. Квест «Пройди свой путь» превратился в повседневную реальность. И если бы я не опоздала на шаттл, то уже дремала бы на рабочем месте.

Как же было хорошо до закрытия моста. Транспорт ходил постоянно. Не один, так другой. Или маршрутка, а может быть, и целый автобус с аэропорта. В пути можно было расслабиться, почитать книжку, послушать музыку, написать стихотворение...

То февральское утро отпечталось в памяти надолго. До «Доменной» доехала без приключений. Встретившись с коллегами, мы ждали наш любимый шаттл. Но он не пришёл. Народ волновался. Кто-то переходил на противоположную сторону улицы и ловил попутки, а кто-то смело двинулся в зиму.

Идти не хотелось, ну совсем. Первой мыслью было развернуться и уйти. Горячий чай, тёплая постелька, фырчащие кисы... Дома же так хорошо...

– Ну что, пошли? – предложила Марина Викторовна из соседнего отдела, тяжело вздохнув. Она с грустью смотрела вслед уходящим, а мне было тяжело поверить, что мы вновь остались одни. И мы пошли.

Шли вдоль обочины, сражаясь со встречным ветром. Он нещадно хлестал по лицу, заставляя бороться. Скользя по льду в тяжёлых ботинках, я чувствовала себя фигуристкой. Казалось, что тол-

стый слой меха не спасает ноги от холода. А ведь ещё нужно было уворачиваться от встречных машин. Я потеряла свой страх на промзоне.

Отогревалась я до обеда. Мороз медленно отпирал моё тело из своих цепких лап. Я чувствовала, как тепло отвоёвывало свои позиции назад. Я была уверена, что заболела, чего мне было нельзя, ведь скоро состоится вокальный конкурс. Обошлось. Думаю, что с божьей помощью, никак иначе. А стоит оно того, Саша?

На следующий день начальство вновь выделило нам микроавтобус, чтобы выбраться к цивилизации. Зона отчуждения, отдалённая деревня после паводка, оставшаяся без единственного моста, – любое определение подойдёт. Сколько раз я звонила педагогу с одним и тем же сообщением: «Извините, опоздаю, транспорт». На другом конце провода привыкшая к таким звонкам Анна Михайловна неизменно отвечала: «Я же знаю, где ты работаешь. Жду». Добровольная вторая вокальная смена срывалась. Или отодвигалась. Очень сложно сосредоточиться на пении, если мысли ещё застряли в маршрутке.

На следующий день после приснопамятной прогулки я с опаской думала о дороге на работу. Но добралась без приключений. Из-за морозов я отпросилась с обхода цеха по технологии. Туда нужно было идти по мосту через улицу – сильный ветер мог попросту сдуть меня. И никакая форменная телогрейка бы не спасла.

Почему я попросила подвезти меня до трамвайной остановки своего непосредственного начальника, не знаю. Алексей редко кого-то брал пассажиром, поэтому к нему не обращались. Но в тот момент некого было просить.

Я очень уважала своего начальника. Когда я только устроилась в отдел, он был моим наставником. Алексей действительно многому меня научил. Благодаря ему я поверила, что смогу стать настоящим инженером.

– Лёш, а ты в какую сторону едешь? – закинула удочку я.

– Я ещё не знаю, – сказал он, пряча глаза.

Лёша всегда так отвечал. Всем. Когда не хотел кого-то подвозить. Попытаться, конечно, стоило. Что ж, микроавтобус до «Доменной», и вперёд. И я могла забыть о его ответе, если бы не руководитель нашего отдела. Машина Андрея Анатольевича была в ремонте, и он ездил с нами.

– Алексей, докинешь до «Заводоуправления»? – пробасил Андрей Анатольевич.

– Да, конечно, – спокойно сказал Алексей, не думая о том, что его слышат.

Неужели он забыл, что ответил двадцатью минутами ранее? Я же сидела там, в той же комнате. Я понимаю, что не самый желанный попутчик, но... Холодно же. Промзона, будь она неладна. Разок попросила его в безысходном положении, и... Как же так? И я бы поняла чёткий отказ, никто не обязан подвозить. Но нет. Ты, Саша, не начальница, чего тебе помогать? «Я здесь, я слышу», – стучало в мыс-

лях, а в горле как будто что-то застряло. И ведь я не знаю, почему, чем я заслужила такое отношение.

Не я одна сложила Лёшины слова в голове. Мой сосед справа, Евгений Карлович, пожалел меня и спросил:

– Алексей, у тебя ещё есть место в машине?

– Есть.

– Так, может, возьмёшь Сашу?

Что промямлил начальник, я не услышала. Но было интересно, как он выкрутится на этот раз. Я знала ответ. Но маленький фитилёк надежды ещё тлел в груди.

Перед уходом с работы я решила удостовериться и поинтересовалась:

– Так всё-таки есть у тебя место или нет?

Очередная неопределённость. Микроавтобус, встречай. Господи, лучше уж пешком по холоду, шаттлы и автобусы, чем так. Как же неловко и стыдно порой просить. Нищая на паперти. И надоела уже всем, не хотят в попутчики. И рада бы не напрягать. Но жизнь и так протекала мимо меня, чтобы терять драгоценные минуты.

Всего одна несказанная фраза, и доверие затрепало.

Увидев меня в микроавтобусе, Евгений Карлович удивился:

– Всё нормально? – обеспокоенно спросил он.

– Нормально, – кивнула я своему благородному рыцарю.

У меня всегда всё было нормально. Зачем коллегам знать?

Мои бега на работу и с неё стоили мне здоровья: дёргался глаз из-за ежедневной нервотрёпки, ну и простуда периодически подкарауливала. И я снова задумалась об увольнении.

В череде одинаковых чёрно-белых дней случались и цветные происшествия. Я стояла, ждала маршрутку. Голова была под завязку заполнена ватой, собственный автопилот работал на отлично. Поздняя осень стирала мысли. Тут передо мной останавливается огромный серебристый кроссовер. Открывается окно, и водительница что-то мне говорит. Я не сразу поняла, что она обращается ко мне, и переспросила.

– Можно, мы вас подвезём? – прозвучал вопрос.

– Да-да, спасибо, – лепетала я, садясь в машину.

Чужая машина, незнакомый водитель. Чем я думала? Но мне повезло.

Вскоре выяснилось, что «мы» – это сама водительница и её дети. Я недоумевала, как она решила вдруг подвезти незнакомому человеку. Женщина рассказала, что часто так делала. Просто добро ради добра. Неужели ещё остались неравнодушные люди?

Спустя месяц после встречи с той женщиной я уволилась с работы. По иронии судьбы мост на аэропорт начали ремонтировать, когда я устраивалась на новое место. Открыли его только летом следующего года. Я бы столько не выдержала.

Снова шаг, второй, третий, четвёртый... Осторожно, медленно, но свободно.